

УДК 101.1:32.019.51:659.3

А. В. Гижя

(кандидат философских наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ

ПОЛУЗАБЫТЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ НЕИССЯКАЮЩАЯ ЗЛОБОДНЕВНОСТЬ?

Аннотация. Рассматривается доминирующая практика отечественного общественного дискурса, касающаяся фигуры Ленина. Она, как правило, включает оценки его деятельности, определенный анализ ленинского психотипа, социальный коммуникативный срез отношений Ленина с единомышленниками и оппозицией, содержит общетеоретические соображения (или их имитацию) по теме политической борьбы, применяемых методов и логики исторического развития. Для анализа выбрана статья историка В. П. Булдакова как, в определенной степени, типическая в представлении ведущей тенденции в трактовке Ленина и его теоретического наследия.

Ключевые слова: Ленин, история, миф, марксизм, революция, религия, религиозность, буржуазия, пролетариат.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

HALF-FORGOTTEN POLITICAL MYTH OR AN ENDURING TOPICALITY?

Annotation. The article examines the dominant practice of Russian public discourse concerning the figure of Lenin. It usually includes assessments of his activities, a certain analysis of Lenin's psychotype, a social and communicative cross-section of Lenin's relations with like-minded people and the opposition, and contains general theoretical considerations on the topic of political struggle, applied methods, and the logic of historical development. For analysis, the article by historian V.P. Buldakov has been selected as, to a certain extent, representative of the prevailing tendency in the interpretation of Lenin and his theoretical legacy.

Keywords: Lenin, history, myth, Marxism, revolution, religion, religiosity, bourgeoisie, proletariat.

Научная литература, посвященная фигуре Ленина и учению ленинизма (марксизма-ленинизма), еще не так давно по историческим меркам представлявшая полноводный поток исследований как советских авторов, так и зарубежных, ныне

практически отсутствует. Соответствующий запрос в электронную библиотеку eLIBRARY (eLIBRARY.RU) по запросу «Ленин» приводит к 771 источнику, что, казалось бы, немало. Однако посмотрев тематику, убедимся, что собственно содержательная, актуальная социально-историческая компонента среди этого объема занимает весьма скромную нишу. По запросу «ленинизм» получаем совсем мизерный результат из 58 источников. Является ли это следствием устранения вот уже более 30-ти лет идеологического принуждения и уничтожения СССР в результате проигрыша в холодной войне с Западом и последовавшего в 1991 г. контрреволюционного буржуазного переворота номенклатуры и силовиков, или же это положение может быть оценено, скорее, как продолжение идеологического воздействия на общественное сознание, но уже с доминирующим знаком антисоветизма и антикоммунизма? Характерным образом оба этих момента имеют достаточную степень истинности. Они содержат формальную общую составляющую, заключающуюся в чрезвычайно выраженной конъюнктурности публикаций по общественной тематике.

Во времена СССР она касалась темы научного коммунизма с обязательным свидетельствованием теоретического почтения классическому наследию учения Маркса-Энгельса-Ленина-(Сталина). Ровно те же конъюнктурные мотивы, с внешне инверсированной смысловой нагрузкой присутствуют и в настоящее время. Однако, это только внешняя сторона. Простая, но принципиальная разница между этими видами приспособленческого имитирования состоит в том, что в первом случае истинность учения не вульгаризированного марксизма подтверждена исторической практикой и потому весь схоластический конъюнктурный массив произведений был, по крайней мере, безвреден, поскольку попросту воспроизводил исходные идеи Маркса и Ленина, хотя и в цитатно-клишированном виде. А вот обратный разворот идейного вектора общественного сознания базируется, как вполне отчетливо показала та же практика последних десятилетий, на реакционно-фашистском, либерально-антисоветском и антикоммунистическом посыле. Работая на стороне идеологических противников советской власти, нынешние отечественные апологеты реинкарнированного буржуазного строя объективно защищают всевластие мирового капитала.

А. П. Бутенко пишет: «Мы живем в любопытное время, когда отечественных фальсификаторов нашей истории и в первую очередь Октябрьской революции гораздо больше, чем их было за рубежом за все послеоктябрьские годы. Но самым прискорбным является то, что этим постыдным делом сегодня заняты не только полуграмотные и неграмотные политические крикуны и падкие на синекуру журналисты, которым наука и совесть всегда были чужды, но также остепененные политики и политологи, философы и экономисты, – вчерашние марксистские ортодоксы, а сегодняшние "марксоеды", – которых ни в коем случае нельзя заподозрить

в незнании и неграмотности. Напротив, есть основательные причины уличать их в сознательной лжи, продуманном обмане своей паствы» [1, с. 40].

Мы серьёзно сомневаемся в научной добросовестности многих представителей отечественной исторической и философской мысли, ставших фактическими оппортунистами и ревизионистами. Для иллюстрации приведенного выше суждения Бутенко, обратимся к некоторым характерным примерам отечественной обществоведческой мысли. Прошедший пять лет назад ленинский юбилей послужил хорошим поводом для формирования соответствующей тематической подборки.

Вот весьма объемная статья маститого автора, доктора исторических наук Булдакова В. П. [2], работающего старшим научным сотрудником в Институте российской истории РАН. Она опубликована в журнале «Российская история», о котором на сайте журнала сказано, что это «самое известное академическое периодическое издание, посвящённое истории России – СССР – Российской Федерации, ведущий национальный научный журнал...». Выискивать и разбирать все умозаключения в статье мы не будем по простой причине – вследствие их почти полного отсутствия. Здесь мы видим типичный софистико-демагогический прием, реализованный с большим мастерством: авторский стиль изобилует, во-первых, оценочными суждениями, имеющими только видимость некой содержательности, второй же тип суждений в статье представляет набор тенденциозно выстроенных единичных высказываний с полностью отсутствующим основанием. Одно и другое не выражает и в принципе не может выразить ни суть рассматриваемой эпохи, ни указать действительные причины происходящего.

Вместе с тем, сама статья написана, отдадим должное, интересно, чувствуется, что повествование идет, что называется, от души. И даже видимость «обоснования» автор все же пытается создать, приводя в свою поддержку высказывания некоторых исторических деятелей. Так, красной нитью проходят оценки эсера В. Чернова, П. Струве, С. Франка, Л. Троцкого. Это, конечно, серьезные авторитеты. Марксизм Булдаков видит, прежде всего, как учение, реактивировавшее ощущение «чужого» в невиданных ранее масштабах – в образах капитализма, буржуазии, эксплуатации и т.п. [2, с. 18], ведущих к ненависти, которой, по мнению историка, у эксплуатируемых быть не должно. У Булдакова это именно образы, а не понятия, поскольку он всячески усиливает психолого-эмоциональную компоненту исторических событий и мотивов действий Ленина. Это пример оценочного суждения. Есть и разновидности оценочных формулировок, с отчетливо видимым приписанным значением.

Так, Булдаков применяет методику взятия термина в кавычки, что сразу создает эффект его сомнительности и ненаучности: «империализм», «буржуазия», «открытие», «прогрессивный», «научная доктрина». Последнее относится к Марксу: «То, что “научная доктрина” Маркса религиозно по своей структуре, а его материализм выливается в революционно-идеалистическую практику, известно давно»

[2, с. 5]. И далее идет ссылка на Чернова, ссылающегося, в свою очередь, на бельгийского социалиста Э. Вандервельде. Привлекается и С. Булгаков. Дескать, после упомянутых авторов это всем известно и не нуждается более ни в каком обосновании. Вандервельде, заметим, – это не просто некий бельгийский социалист, о его теоретических воззрениях Ленин оставил отзыв: «мещанский эклектицизм против марксизма, софистика против диалектики, филистерский реформизм против пролетарской революции...» [6, с. 338]. Так что авторитетность этих источников, мягко говоря, не безусловна.

А вот пример автономного высказывания с нулевым основанием и совершенно неопределенным контекстом: «С одной стороны, марксизм научил интеллигенцию умозрительно спрямлять причинно-следственные связи, с другой – обеспечил невозможное, казалось бы, смыкание традиционалистского и прогрессистского типов мировосприятия» [2, с. 12]. Надо понимать, что логическое «спрямление» всегда будет присутствовать в любом рациональном анализе и вопрос не в том, чтобы его как-то избежать, а насколько верно оно выражает сущность процесса. Понимание сущности происходящего означает знание логики развития в многообразии текущих событий, видимых внешне как сплетение психологически обусловленных случайностей. Нам нет нужды пересчитывать все это событийное многообразие и застревать в попытке проследить буквально все связи и отношения. Если мы владем знанием сути исторического движения и его фактического наполнения – соотношения и специфики действующих сил, направления развития, умеем следить за изменением баланса отношений и выделять действительные цели, то нужно именно «спрямлять» исторический путь без слепого блуждания от одного сиюминутного действия к другому.

Насчет авторского умозаключения о смыкании традиционалистского и прогрессистского типов мировосприятия вообще ничего сказать нельзя, поскольку оно никак не развернуто и не пояснено. Характерно, что подобные размашистые суждения, с одной стороны, полностью выпадают из содержания научного анализа – поскольку в них не прописаны необходимые для понимания связи и они застывают в абстрактной единичной обособленности, а с другой стороны – они составляют определенную текстовую массу, являющуюся нарративной беллетристикой и, вследствие этого, способны оказывать воздействие на читающего. Оно, по факту, будет воздействием художественно-образного, метафорического типа, а по восприятию может быть прочувствовано как действие научно оформленного текста.

Так нередко строится постмодернистское повествование, захватывающее стилистической необычностью, смелостью ассоциаций и усиленным психологизмом, одновременно сильно проигрывая при этом в научности, т.е., в конечном счете, в обосновании истинности как раз тех положений, которые оно призвано донести до читателя. Парадокс в том, что как раз истинность здесь служит разменной монетой, на которую мало обращают внимание. Основной посыл подобных материалов не в

добросовестном научном анализе, а в идеологическом захвате сознания читающего, в навязывании ему тенденциозно выстроенных смыслов.

Вообще привычка промахиваться мимо фактов и нежелание вникать в тему является очень характерным симптомом для слишком многих. Читая ленинские работы, замечаешь – особенно, когда они пишутся в периоды обостренных политических, идейных столкновений – чисто человеческое возмущение вопиющей недобросовестностью своих оппонентов. В ответе К. Каутскому относительно утверждения того, что фабрики и заводы передаются рабочим, Ленин с экспрессией пишет: «Подумайте только: 5 августа, когда налицо была уже масса декретов о национализации фабрик в России, причем ни одна фабрика не была “присвоена” рабочими, а все передавались в собственность республики, 5 августа Каутский, на основании явно мошеннического толкования одной фразы из моей речи, внушает немецким читателям мысль, будто в России фабрики передаются отдельным рабочим! И Каутский после этого на протяжении десятков и десятков строк жует жвачку про то, что фабрики нельзя передавать поодиночке рабочим!» [6, с. 328]. И далее: «Ни одного из бесконечного количества фактов, свидетельствующих, что фабрики передаются только республике, что распоряжается ими составленный с преобладающим участием выборных от профессиональных союзов рабочих орган Советской власти, Высший совет народного хозяйства, – ни одного из таких фактов Каутский не желает и касаться» [6, с. 329].

Но в тенденциозности и, более того, в диктаторских наклонностях подобные господа обвинят, конечно, Ленина. Праворадикальная, антисоветская общественная мысль обязательно содержит, помимо наукоподобных рассуждений – будь то писания западных интеллектуалов или сочинения доморожденных прозревших интеллигентов – тот или иной вариант совершенно вульгарной и пошлейшей глупости. К ней относятся, например, давно опровергнутая историками выдумка Временного правительства о Ленине как германском агенте, получавшем деньги от германского генштаба на проведение революции в России. Булдаков сумел удержаться от этой чепухи, но привел другую, обозначив основной лозунг большевиков, определяющий их внутреннюю политику как «Грабь награбленное» [2, с. 18].

Действительно, это (почти) слова Ленина в речи перед агитаторами, посылаемыми в провинцию в январе 1918 г. [5]. Но, как говорится, есть нюанс. Ленин приводит слова старика-большевика, объяснявшего казаку, в чем заключается большевизм: «Мы грабим награбленное». Т.е. это попросту разговор среди самого народа, который терминологически и понятийно не изошрен. Народ говорит попросту, выражая ближайшие смыслы. У Булдакова и в Википедии этому призыву придан обобщенный теоретический смысл, там и там говорится, что это прямой вывод из учения о прибавочной стоимости [2, с. 18]. Разумеется, это не так. Ленин указывает: «Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: “Ничего, – мы отсидимся”. Народ должен вытащить этого “хапалу” и заставить его вернуть

награбленное» [5, с. 327], – речь идет о борьбе с кулаками и сельскими мироедами. Вот и вся история этого лозунга.

Здесь вновь происходит психологически мотивированный перенос собственного цивилизационного грехопадения на фигуру исторического *Другого*, ибо именно грабёж в буквальном смысле производственных фондов страны, созданных трудом всего народа и получение в результате экономического приватизационного бесчинства только и исключительно обездоливания подавляющей части населения – вот это и составляло смысл простейшей и примитивной программы «реформ», начавшихся в 1990-х гг. в нашей стране. Пустота предъявляемых, якобы восстанавливаемых общечеловеческих ценностей постоянно доказывает тупиковость навязанного исторического поворота. При этом победившей номенклатурной контрреволюцией не предполагалось ни реальное индустриальное развитие, ни духовное обновление и в целом не просматривалось каких-либо культурно-духовных горизонтов. Мастера культуры с поразительной скоростью, рвением и самоотдачей переквалифицировались в служителей маммоны. Такова подлинная подоплёка лозунга о грабеже, который либералы вытесняют из собственного подсознания, вполне лицемерно приписывая эту практику иной эпохе.

Статья Булдакова претендует на определенную концептуальность, но выстраивание теоретически-обобщенного понимания должно начинаться с верных предваряющих соображений, своего рода аксиоматики. Несколько замечаний по этому поводу уже было сделано. Но есть еще характерные суждения автора, показывающие степень научности его понимания истории.

Весь ход авторских рассуждений о Ленине предваряется и, далее, поддерживается разбросанными по тексту статьи отдельно стоящими опорными смыслами. Они высказаны безапелляционно, бездоказательно и авторитарно-убедительно. В конце короткой вступительной части звучит верное положение: «...Чрезмерная детализация повседневности... способна девальвировать само понятие *хронотопа*, сотканного из *тонких* материй исторического бытия» [2, с. 4]. Особенно, добавим мы, детализация на основе произвольных и субъективно пристрастных допусков. Впрочем, автор далее не перестает именно детализировать, нагромождая одно понятийно-логическое искажение на другое. Следующая фраза статьи кладет начало этому процессу девальвации темы. «Биографию Ленина, - пишет Булдаков, - следует начинать с того, чему или кому он поклонялся» [2, с. 4]. Если с этого автор серьезно собирается начать рассмотрение заявленной темы, то следующее предложение должно было бы его благополучно закончить, ибо ответ таков: Ленин ничему и никому не поклонялся.

Булдаков же беспронимчиво – ибо сам задал догматическое начало – начинает красочно выписывать эмоционально-психологическими красками картину становления марксизма. И, разумеется, коль скоро задано религиозноподобное начало, то оно и будет плодить религиозноподобные трактовки. Они обычно делаются по сход-

ному шаблону, выполненному по принципу абстрактного сходства. Вот стандартные параллели: «На место страдающего Бога в нём поставлен “угнетённый класс” – новый мессия», или вот еще поверхностное сравнение: «В пролетарском интернационализме, как и в христианстве, не должно было быть “ни эллина, ни иудея”» [2, с. 5]. Но внешне сходные функции и формы организации системных социальных явлений и процессов ожидаемы. Этот факт отмечают социологи: «И, если, как предлагает этот социолог (речь идет о Demerath N.J), выделять две базовые функции религии – придание смысла и принадлежности (commitment), то их в какой-то степени выполняет любой культурный институт, в том числе и научные дисциплины» [4, с. 52]. Доказывает ли это близкое сходство науки и религии? Если да, то так ответить может лишь крайне зашоренный человек.

Начав со столь специфической аксиоматики, автор ею и завершает свой опус, продолжая придумывать произвольные аналогии: «Советский “марксизм” вырос из “чуда” революции. Он помог придать старому строю inferнальные черты, социальному насилию – сакрально-жертвенное качество, а его революционным плодам – облик “великого свершения”. Массам он оставил в наследство перманентный образ врага – аналога нечистой силы в лице “буржуазии”, а затем “мирового империализма”» [2, с. 24]. Использование кавычек должно утвердить читателя в ответственности и надуманности стоящих под ними выражений. Однако пост-ирония и сарказм не отменяют необходимость полноценного обоснования своей позиции.

Наш ученый историк напрочь игнорирует азы научного анализа и никаких доказательств ни этих, ни иных суждений, претендующих на раскрытие глубоких историко-культурных смыслов, как обычно, не приводит. Они для него самопонятны и самоочевидны. Мысли в подобных исторических экзерсисах свертываются в скудную абстракцию, выражающую позицию исключительно личной убежденности. Но в этой точке интеллектуального и духовного обнищания проявляется сарказм иного рода, реально-исторический. И это очень поучительно.

Дело в том, что Ленин относительно Каутского (и не только него) выявил характерную ситуацию мировоззренческого перевертывания: «Все то, что писал марксист Каутский в “Аграрном вопросе” в 1899 году по вопросу о средствах, имеющихся в руках пролетарского государства, для постепенного перевода мелких крестьян к социализму, забыто ренегатом Каутским в 1918 году» [6, с. 327]. А вот идентичная ситуация с Булдаковым, который в 1987 г. пишет: «Великий Октябрь породил гигантский интернационалистский импульс, поддержанный колониальными и зависимыми народами и направленный победившим пролетариатом в русло национально-государственного строительства, осуществляемого самими народами» [3, с. 323]. Заметьте, нет никаких игривых сравнений принципа интернационализма с положениями Нового Завета, все высказано научно. А вот тот же автор образца 2020 г.: «На марксизме, как и на ленинизме (если признать, что они существовали как реальность, а не как миф) лежала печать большой, но “больной” эпо-

хи, – разумеется, с ее неперенным утопическим противовесом. Попытка строительства на столь сомнительном основании идеократической государственности не могла не вылиться в акцию социокультурного садомазохизма» [2, с. 3]. Вот так меняется позиция, от «национально-государственного строительства» до «идеократической государственности» как «акции социокультурного садомазохизма».

Заключение по Каутскому подвел сам Ленин, оно совпадает с заключением по статье Булдакова: «Итог: Каутский дал нам, теоретически, невероятную кашу, с полным отречением от марксизма, а на практике лакейство перед буржуазией и ее реформизмом» [6, с. 328].

Библиографический список:

1. Бутенко А.П. Правда и ложь о революциях 1917 года // Социологические исследования. - 1997. - № 2. – С. 30-47.
2. Булдаков В.П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. -2020. - № 2. – С. 3-24.
3. Великий Октябрь и защита его завоеваний. Т. 1. Победа социалистической революции – М.: Наука, 1987. – 480 с.
4. Колкунова К. Религиоподобные явления и сакральное // Южный Полус. Исследования по истории современной западной философии. – 2017. - Т. 3. - № 1. – С. 49-61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiopodobnye-yavleniya-i-sakralnoe>
5. Ленин В.И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию // Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд. – М.: Политиздат, 1974, Т. 35. – С. 323-327.
6. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969, Т. 37. - С. 235-338.

References:

1. Butenko A.P. Pravda i lozh' o revolyutsiyakh 1917 goda // Sotsiologicheskie issledovaniya. - 1997. - № 2. - S. 30-47.
2. Buldakov V.P. Marksizm, Lenin, revolyutsiya: metamorfozy velikoi legendy // Rossiiskaya istoriya. -2020. - № 2. - S. 3-24.
3. Velikii Oktyabr' i zashchita ego zavoevanii. T. 1. Pobeda sotsialisticheskoi revolyutsii - M.: Nauka, 1987. – 480 s.
4. Kolkunova K. Religiopodobnye yavleniya i sakral' noe // Yuzhnyi Polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoi zapadnoi filosofii. – 2017. - T. 3. - № 1. - S. 49-61. URL:
5. Lenin V.I. Rech' pered agitatorami, posylaemymi v provintsiyu // Lenin V.I. Poln. sobr. soch., 5-e izd. – M.: Politizdat, 1974, T. 35. - S. 323-327.
6. Lenin V.I. Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch., 5-e izd. – M.: Politizdat, 1969, T. 37. - S. 235-338.